

Когда его связали, он громко плакал, но теперь, когда его жизнь висела на волоске, он даже не мог кричать, а только широко раскрытыми глазами смотрел на запястье Хо Цзюньсяо, боясь, что тот в любой момент может сжать руку, и он отправится в мир иной без всякого совершенствования.

Хорошо, что Цзицзай не видел, как накануне вечером Хо Цзюньсяо одним движением рукава снял три головы, иначе сейчас он бы не просто испугался, а уже лежал бы без чувств.

Но он не видел, а Бай Кэ видел и помнил это отчетливо. Он тоже боялся, что Цзюньсяо может сойти с ума и просто задушить Цзицзая. Поэтому он инстинктивно схватил руку Цзюньсяо и, подняв лицо, спросил:

— Почему ты так внезапно разозлился?

Его рука не прикладывала усилий, словно просто легла на руку Цзюньсяо, но это был безмолвный знак остановки.

Цзюньсяо повернулся, собираясь ответить Бай Кэ, но вдруг остановился и замер, глядя на него.

Бай Кэ сначала подумал, что он смотрит на красное родимое пятно у его глаза, и с усмешкой сказал:

— Вблизи это выглядит пугающе, да?

Цзюньсяо на мгновение задумался, а затем покачал головой:

— Нет, совсем нет. Я никогда не обращал на это внимания.

— Тогда... — Бай Кэ не мог понять, что еще на его лице могло привлечь такое внимание.

— Просто я... — начал Цзюньсяо, но осекся. Он никогда не видел тебя с такого ракурса.

Когда-то пик Юньфу возвышался величественно, и он иногда видел белую фигуру с черными волосами, стоящую на вершине горы.

Перед ней простирались облака на тысячи ли, а позади — мирская суета, словно она стояла там сто лет...

Тогда он всегда думал, как было бы хорошо, если бы он мог увидеть этого человека в юности.

Был ли он таким же, как все молодые люди, с еще не сглаженной дерзостью, в яркой одежде, полный энергии и амбиций...

Он никогда не думал, что эта дерзкая мечта станет реальностью. Хотя и в такой форме, Цзюньсяо был удовлетворен.

Но в этом удовлетворении была и глубокая печаль, потому что этот юноша перед ним не только не был таким же дерзким, как обычные люди в его возрасте, но даже не мог видеть этот мир, как они.

Когда Бай Кэ был без сознания, он уже слышал от Бай Цзысюя бессвязные рассказы об их жизни за последние десять лет, включая небесную слепоту Бай Кэ.

Он однажды положил руку на закрытые глаза Бай Кэ, и мир, состоящий только из черного и

белого, с очертаниями света и тени, пролетел перед ним, как кадры из фильма, слишком быстро, чтобы разглядеть детали. Он смотрел всего несколько мгновений, а затем резко отдернул руку, словно его ладонь обожгло огнем. Это жжение проникло в грудь, в сердце, и он даже не смог посмотреть второй раз.

Он мог понять его чувства, но не мог изменить их, потому что знал, что это не обычная слепота.

Даже до того, как он нашел Бай Кэ, он знал, что Бай Линчэнь, возродившийся, обязательно потеряет что-то. Потому что он родился без одной души.

Без полной души жить трудно, не говоря уже о том, чтобы быть полным энергии.

А потеря этой души связана с Вратами Хэнтянь, к которым принадлежит этот Цзицзай. Как он мог не ненавидеть их?

Но он не мог сказать этого, даже боялся сказать. После тех нескольких фраз, которые он не смог сдержать при первой встрече, он больше не называл его «учителем».

Потому что он боялся, что накопленные воспоминания когда-нибудь пробудят часть памяти Бай Кэ. А смешение воспоминаний из разных жизней — это самое опасное, потому что совершенно разные личности и пережитые события, а также путаница в воспоминаниях, с большой вероятностью, могут свести человека с ума.

Глядя на Бай Кэ, Хо Цзюньсяо молча переваривал все, что хотел сказать, но в итоге произнес лишь бессвязную фразу:

— Врата Хэнтянь всегда были подлыми, они идут окольными путями, специализируясь на темных искусствах. Если бы это была другая школа, я бы еще мог поверить, что поиск людей, рожденных в год Инь, месяц Инь и день Инь, нужен для изменения энергетики, но если это Врата Хэнтянь... ха!

Он усмехнулся, а затем снова сжал шею Цзицзая.

Бай Кэ лишь промолчал: «Эта запутанная логика и бессвязная манера речи были так похожи на Бай Цзысюя. Оба — настоящие сумасшедшие».

Цзицзай, почувствовав, что рука Цзюньсяо немного ослабла, когда тот говорил с Бай Кэ, хотел крикнуть «Спасите!», чтобы вызвать сочувствие у Бай Кэ и Бай Цзысюя, ведь они явно не были склонны к убийству. Но едва он начал произносить «Спас...», как Цзюньсяо внезапно сжал руку, и звук исказился в душераздирающее «Иии—»

Цзицзай лишь подумал: «Ну сколько можно?!»

Бай Кэ усмехнулся: «Хм, когда я говорил о сумасшедших, я забыл, что тут еще один».

Цзюньсяо задумался: «В Вратах Хэнтянь в последнее время появились такие экземпляры?»

Бай Цзысюй с улыбкой похлопал Цзицзая по голове, утешая:

— Не переживай из-за срыва голоса, позже будет шанс повторить. Мне как раз не хватает бодрящего будильника.

Бай Кэ решил, что в этом собрании сумасшедших ему делать нечего, и, отпустив руку

Цзюньсяо, махнул рукой:

— Поговорите без меня, я пойду—

Не успел он закончить, как Цзюньсяо швырнул Цзицзая на пол. Видимо, он решил, что с таким глупцом не стоит тратить время, и просто выбросил его, как мусор.

После этого он махнул рукавом, и Цзицзай, который кашлял и пытался подняться, снова был прижат невидимой силой.

Цзицзай лишь подумал: «Черт, если уж отпускать, то отпускай до конца! Что за привычка — то отпускать, то снова хватать?! Неужели нельзя быть решительнее?»

— Я отпущу тебя, — холодно сказал Цзюньсяо, глядя на него сверху вниз. — Вставай и веди нас.

— Куда вести? — спросил Цзицзай.

Цзюньсяо произнес каждое слово отчетливо:

— В Врата Хэнтянь.

* *

Юй Сянь, который пропадал без вести более трех месяцев, однажды вернулся в Врата Юйшэн и сразу направился в Чертог Юньфу. Однако Бай Линчэня там не оказалось, а в обычно тихом зале внезапно появились несколько малышей.

Юй Сянь сидел на подоконнике, почесывая подбородок.

Цзюньсяо издали подбежал и дернул его за бороду:

— Дедушка Сянь!

— ...Паршивец, — буркнул Юй Сянь. — Я слышал, мой замкнутый ученик недавно официально принял трех личных учеников?

— Верно, — подтвердил Цзюньсяо.

Юй Сянь огляделся: у порога сидел малыш, читающий книгу, примерно того же возраста, что и Цзюньсяо, лет шести-семи, который, увидев его, застенчиво улыбнулся и отвернулся. Другой вообще ползал по полу, весь в поту, и, улыбаясь Юй Сяню, показывал свои два молочных зуба.

Юй Сянь дернулся:

— Этот замкнутый парень никогда не брал учеников, как он вдруг набрал троих таких обузы?

Цзюньсяо указал на читающего:

— Потому что У Нань похож на потерянную учителем нефритовую статуэтку крысы.

Затем указал на ползającego:

— А Шэнь Хань похожа на обезьянку, которую учитель когда-то подобрал, но она умерла.

У Нань продолжал читать, не обращая на него внимания.

Шэнь Хань остановилась и посмотрела на Цзюньсяо, а затем разрыдалась так, что, казалось, земля задрожала.

В этот момент вошел Бай Линчэнь и с раздражением посмотрел на Цзюньсяо.

Юй Сянь спросил Цзюньсяо:

— А на кого похож ты?

— На дубину, — отрезал Бай Линчэнь.

Цзюньсяо промолчал.

Бай Линчэнь повернулся, не оглядываясь:

— Если у тебя есть время подшучивать над младшими, лучше пойдешь и выучи все книги на первом этаже библиотеки.

Третий год правления Наньхуа, двенадцатый ученик личного ученика главы Врат Юйшэн Хо Цзюньсяо, скончался.

Цзицзай еще не успел заговорить, как Бай Цзысуй вставил:

— Говорят, что нарушение правил школы карается наказанием, ты, дубина, не вынуждай его.

«Дубина? Дубина!!»

Цзицзай с изумлением смотрел на него: «Вот это герой! Слабые боятся сильных, сильные боятся наглецов, а наглецы боятся тех, кому нечего терять. Он, вероятно, был самым слабым, а Бай Цзысуй определенно был тем, кому нечего терять. Смелость называть Хо Цзюньсяо дубиной — это что-то».

<http://bllate.org/book/16844/1549845>